

Рудольф Штейнер

Четыре Темперамента

Берлин, 4 марта 1909

Я часто подчеркивал, что величайшая загадка человечества - оно само. И естественная и духовная науки - обе, в конечном счете, пробуют решить эту загадку; первая - пониманием естественных законов, которые управляют нашим внешним существованием, последняя - поиском сути и цели, свойственных нашему существованию. Точно так же как само человечество является большой загадкой, необходимо подчеркнуть, что каждый человек является загадкой часто даже для самого себя. Каждые из нас переживает это при встречах с другими людьми.

Сегодня мы будем рассматривать не общие загадки, а скорее те, которые ставит перед нами каждый человек при каждой встрече, и то, насколько они важны. Как бесконечно различаются люди! Нам необходимо только рассмотреть темперамент, тема сегодняшней лекции, для того, чтобы понять, что, сколько существует людей - столько и загадок. Даже внутри основных типов, известных как темпераменты, существует такое разнообразие среди людей, что сама тайна существования, кажется, выражает себя внутри этих типов. Темперамент - эта основная окраска человеческой индивидуальности, играет роль во всех проявлениях индивидуальности, относящейся к практической жизни. Мы ощущаем что-то из этого основного настроения всякий раз, когда сталкиваемся с другим человеком. Таким образом, мы можем только надеяться, что духовная наука расскажет нам о том, что мы должны знать о темпераментах.

Наше первое впечатление от темпераментов - это то, что они являются внешними, хотя можно сказать, что изливаются изнутри, они проявляются во всем, что мы можем наблюдать вовне. Однако это не означает, что человеческая загадка может быть решена посредством естествознания и наблюдения. Только, когда мы слышим то, что говорит духовная наука, мы можем ближе подойти к пониманию этих специфических красок человеческой индивидуальности.

Духовная наука говорит нам, прежде всего о том, что человек является частью наследственной линии. Человек отображает характеристики, которые были унаследованы от отца, матери, бабушки и дедушки, и так далее. Эти характеристики затем передаются следующему потомству. Человек, таким

образом, обладает определенными чертами на основании того, что он является частью ряда поколений.

Однако это наследование дает нам только одну сторону человеческой природы. Она объединяется с той индивидуальностью, которая приносится из духовного мира. Которая в свою очередь добавляется к тому, что отец, мать и другие предки способны дать. Нечто, что переходит из одной жизни в другую, от существования к существованию, соединяет себя с потомственным течением. Некоторые характеристики могут быть приписаны наследственности; с другой стороны, наблюдая за тем, как человек развивается с детства, мы можем видеть разворачивающееся из центра этого существа что-то, что должно быть плодом предыдущих жизней, что, никогда не могло быть унаследовано от предков. Мы приходим к познанию закона перевоплощения, последовательности земных жизней, и это - всего лишь отдельное обстоятельство всеобъемлющего космического закона.

Иллюстрация заставит выглядеть это менее парадоксальным. Возьмите безжизненный минерал, скажем, горный хрусталь. Если кристалл разрушить, то от его формы не останется ничего, что могло бы быть передано другим кристаллам. А новый кристалл ничего не получает от его старой специфической формы.¹ Когда мы переходим к миру растений, мы замечаем, что растение не может развиваться согласно тем же самым законам, как кристалл. Оно может произойти только из другого, прежнего растения. Форма здесь сохраняется и передается.

Переходя к царству животных, мы обнаруживаем существование эволюции видов. Мы начинаем понимать, почему девятнадцатое столетие считало открытие эволюции бытия своим самым большим достижением. В животных, мало того, что одно существо происходит от другого, но и каждое молодое животное в течение стадии эмбриона резюмирует более ранние стадии эволюционного развития своего вида. Сам вид подвергается усугублению (*т.е. усилению качеств разновидности* – прим. переводчика).

В людях развиваются не только род, но также и индивидуум. То, что человек приобретает в течение жизни посредством образования и опыта, сохраняется, точно также как эволюционные достижения наследственной линии животного. Когда-нибудь будет обычным делом проследить внутреннее ядро человека к предыдущему существованию. Человек узнает каким был результат его прежней жизни. Мнения, которые стоят на пути этой доктрины, будут преодолены, так же, как были преодолены академические взгляды относительно более ранних веков, которые считали, что живые организмы

---

¹ Примечание англ. переводчика: читатель может заключить из этого замечания — в конце концов, было не опубликованное заявление — что Штейнер был не осведомлен о концепции кристаллического зерна. Однако, более вероятное объяснение - то, что Штейнер, аудитория которого вероятно не была хорошо осведомленной с научной точкой зрения, просто воспользовался небольшой риторической гиперболой. Он несомненно знал, что зерно кристалла будет спешить кристаллизоваться в насыщенном растворе соли, но этот факт на самом деле не соответствовал его идее, которая только постепенно вырастает в этом параграфе. Его идея - не в том, что заново формирующийся кристалл *не может* получить некоторый вклад от прежнего существа, а в том, что ему это и не требуется; в отличие от живых существ, которым требуется прародитель.

могут происходить из неживых субстанций. Еще триста лет назад ученые полагали, что животные могут развиваться из речной грязи, то есть из неживой материи. Франческо Реди, итальянский ученый, был первым, кто утверждал, что живые существа могут развиваться только от других живых существ.² Из-за этого он был подвергнут нападкам и его судьба была близка к трагической судьбе Джордано Бруно.³ Сегодня, сжигание людей на костре больше не в моде. Когда кто-то пытается учить новой правде, например, что душевно-духовные сущности могут быть прослежены назад к более ранним душевно-духовным сущностям, этот человек точно не будет сожжен на костре, но вероятно будет уволен как дурак. Но придет время, когда настоящей глупостью будет верить, что человек живет только один раз, что нет никакого продолжающегося существа, который объединяет себя с людьми наследственными чертами.

Теперь возникает важный вопрос: как может нечто, происходящее в совершенно другом мире, которому необходимо искать отца и мать, объединять себя с физической материей? Как оно может облачаться в физические свойства, которые связывают людей наследственной цепочкой? Как духовно-душевный поток, из которого человек формирует отдельную реинкарнацию, объединяет себя с физическим потоком наследственности? Ответ: необходимо достигнуть синтеза. Когда эти два потока объединяются, каждый передает что-то из своего собственного качества другому. Аналогичным способом, как комбинация синего и желтого дает зеленый, эти два потока в человеке объединяются, чтобы привести к тому, что обычно известно как темперамент. Наше внутреннее Я и наши унаследованные черты - оба проявляются в нем. Темперамент стоит между тем, что связывает человека с наследственной линией, и тем, что человек приносит из более ранних воплощений. Темперамент создает равновесие между вечным и эфемерным. И это делается таким образом, что основные члены человека, о которых мы узнали в других контекстах, вступают друг с другом в совершенно определенные отношения.

Люди, как мы знаем, в этой жизни – существа, состоящие из четырех членов. Первый - физическое тело, они имеют общее с минеральным миром. Первый сверхчувственный член - эфирное тело, которое проникает в физическое и отделяется от него только в момент смерти. Затем следует третий член - астральное тело, носитель инстинктов, стимулов, страстей, желаний и постоянно изменяющееся содержимое чувств и мыслей. Наш самый высший член ставит нас выше всех других земных существ, как носитель человеческого эго, которое обеспечивает нас, таким любопытным и все же бесспорным образом, властью самосознания. Эти четыре члена, которые мы узнали, являются сущностными составляющими человека.

Способ, которым объединены эти четыре члена, определяется

---

² Франческо Реди, 1626 — 1697. Опровергал теорию непосредственного рождения живых существ из грязи.

³ Джордано Бруно, 1548 — 1600. Итальянский философ, доминиканский монах, сожженный на костре как еретик. Учил, что мир является бесконечным в пространстве и времени и полон неисчислимых солнц.

совместным течением этих двух потоков после входа человека в физический мир. В каждом случае, один из этих четырех членов достигает господства над другими, и дает им свой собственный специфический штамп. Где преобладает носитель эго, в результате появляется холерический темперамент. Где преобладает астральное тело, мы находим сангвинический темперамент. Где преобладает эфирное тело или тело жизни, мы говорим о флегматичном темпераменте. И где преобладает физическое тело, мы имеем дело с меланхолическим характером. Специфический способ, которым объединены вечное и эфемерное, определяет, в какие отношения друг с другом вступят эти четыре члена.

Способ, которым эти четыре члена находят свое выражение в физическом теле, также часто упоминался. Эго выражает себя в циркуляции крови. По этой причине, в холерике преобладающей системой является кровеносная система. Астральное тело выражает себя физически в нервной системе; таким образом, в сангвинике господствует нервная система. Эфирное тело выражает себя в железистой системе; следовательно, у флегматика доминируют в физическом теле железы. Физическое тело также выражает себя только в самом себе; таким образом, внешне самая важная особенность в меланхолике - физическое тело. Это можно наблюдать во всех явлениях, связанных с этими темпераментами.

В холерике преобладают эго и кровеносная система. Холерики проходят как люди, которые всегда имеют свой собственный путь. Их агрессивность, все, связанное с их полной энергии волей, происходит от их циркуляции крови.

В нервной системе и астральном теле чувства и ощущения постоянно колеблются. Любая гармония или порядок являются результатом исключительно ограничивающего влияния эго. Люди, которые не имеют такого влияния, кажется, не имеют никакого контроля над своими мыслями и чувствами. Они полностью поглощены чувствами, картинками и идеями, которые приходят и уходят внутри них. Что-то подобное этому происходит всякий раз, когда преобладает астральное тело, как, например, у сангвиника. Сангвиники поддаются в некотором смысле постоянному и изменчивому потоку образов, чувств и идей, поскольку у них преобладают астральное тело и нервная система.

Деятельность нервной системы ограничена только циркуляцией крови. То, что это так, становится ясно, когда мы рассматриваем, что происходит, когда человек испытывает недостаток в крови или анемичен, другими словами, когда ограничивающее влияние крови отсутствует. Умственные образы дико колеблются, часто приводя к иллюзиям и галлюцинациям.

Оттенок этого присутствует у сангвиника. Сангвиники не способны задерживаться на одном впечатлении. Они не могут ни удержать свое внимание на определенном образе, ни поддержать свой интерес к впечатлению. Вместо этого, они стремятся от одного переживания к другому, от одного восприятия к другому восприятию. Это особенно заметно у детей-сангвиников, где это может явиться источником беспокойства. Интерес

ребенка-сангвиника легко вспыхивает, образы легко впечатляют, но впечатление быстро исчезает.

Мы перейдем теперь к флегматическому темпераменту. Мы заметили, что этот темперамент развивается, когда преобладает эфирное тело или тело жизни, как мы его называем, которое регулирует рост и обмен веществ. Что приводит к чувству внутреннего благополучия. Чем больше люди живут в своем эфирном теле, тем больше они озабочены своими внутренними процессами. Они позволяют внешним событиям двигаться своим курсом, в то время как их внимание направлено внутрь.

У меланхоликов мы видели, что физическое тело, самый грубый член человеческой организации, становится хозяином над другими. В результате меланхолики чувствуют, что они не управляют своими телами, что они не могут согнуться по собственной воле. Физическое тело, которое предназначено, чтобы быть инструментом более высоких членов, начинает само распоряжаться, и расстраивает другие. Меланхолики переживают это как боль, как чувство отчаяния. Боль струится внутри них, потому что физическое тело сопротивляется внутреннему чувству благополучия эфирного тела, живости астрального тела, и целеустремленности эго.

Различные комбинации этих четырех членов также проявляются весьма четко во внешнем виде. Люди, у которых преобладает эго, стремятся одерживать победу над всеми препятствиями, сделать свое присутствие заметным. Соответственно их эго останавливает рост других членов; оно отказывает астральному и эфирному телам в причитающейся им доле. Оно очень ясно показывает себя внешне. Йоханн Готтлиб Фихте, этот известный немецкий холерик, был узнаваем также просто внешне.⁴ Его строение ясно показывало, что более низкие сущностные члены были задержаны в своем росте. Наполеон - другой классический пример холерика, был таким низкорослым, потому что его эго сдерживало другие члены.⁵ Конечно, нельзя делать вывод, что все холерики низкорослые, а все сангвиники высокие. Это вопрос пропорции. Это вопрос отношения размера ко всей форме.

У сангвиника преобладают нервная система и астральное тело. Внутренняя живость астрального тела оживляет другие члены, и делает внешнюю форму как можно более подвижной. В то время как у холерика резко отточенные черты лица, сангвиники подвижны, выразительны, изменчивы. Мы видим внутреннюю живость астрального тела, проявленную в каждой внешней подробности, например, в стройной форме, тонкой структуре костей, или скудных мускулах. То же самое можно наблюдать в деталях поведения. Даже неясновидец может сказать по поводу кого-либо, является ли он холериком или сангвиником; совсем не обязательно всем быть для этого духовными учеными. Если Вы понаблюдаете за походкой холерика, Вы заметите, что холерик ставит каждую ногу так твердо, что, кажется, пробивает землю. Сангвиник, напротив,

---

⁴ Джоханн Готтлиб Фихте, 1762 — 1814. Немецкий философ-идеалист.

⁵ Наполеон Бонапарт, 1769 — 1821. Французский полководец и император 1804—1814 и 1815

имеет легкий, эластичный шаг. Даже можно найти более тонкие внешние особенности. Внутренняя природа эго, независимость холерика выражаются в глазах, темных и горящих. Сангвиник, чье эго не так глубоко укоренено, который полон живостью своего астрального тела, имеет противоположную тенденцию - синие глаза. Есть еще много таких отличительных черт у этих темпераментов, которые можно было бы отметить.

Флегматический темперамент проявляется в статичной, безразличной физиономии, так же как в округлости, поскольку жир в значительной степени необходим для деятельности эфирного тела. Во всем этом выражено внутреннее чувство комфорта флегматика. Походка расхлябанная и шаркающая, застенчивые манеры. Флегматик, кажется, не совсем полностью связан со своим окружением.

Меланхолик отличается опущенной головой, как будто недостаточно силы необходимой, чтобы выпрямить шею. Глаза унылые, не сияют как у холерикс; походка - тяжелая, но скорее свинцовая, а не решительная.

Таким образом, Вы видите, как значительно может духовная наука способствовать решению этой загадки. Только, когда каждый стремится охватить действительность полностью, что включает и духовное, познание может принести практические плоды. Соответственно, только духовная наука может дать нам знание, которое принесет пользу индивидууму и всему человечеству. В воспитании индивидуальным темпераментам нужно уделить очень пристальное внимание, поскольку особенно важно быть способным вести и направлять их, когда они развиваются еще в ребенке. Но знание темпераментов также важно для наших собственных усилий улучшить себя самих в более поздней жизни. Мы преуспеем, когда проявим внимание к тому, что выражается через них, если мы желаем продолжать свое личное развитие.

Эти четыре основных типа, которые я здесь выделил для вас, естественно никогда не проявляются в таком чистом виде. Каждый человек имеет один основной темперамент, смешанный в различной степени с другими тремя. Наполеон, например, хотя и холерик, имел много флегматического в себе. Чтобы действительно управлять жизнью, важно, чтобы мы открыли наши души к тому, что декларируется как типичное. Если мы принимаем во внимание, что темпераменты, каждый из которых представляет легкую неуравновешенность, могут ухудшиться в нездоровые крайности, только тогда мы понимаем, насколько это важно.

Все же, без темпераментов мир был бы чрезвычайно унылым местом, не только этически, но также и в более высоком смысле. Только темпераменты создают все разнообразие, красоту, и обилие жизненных возможностей. Таким образом, в воспитании было бы бессмысленно хотеть гомогенизировать (т.е. сделать однородным, *прим. переводчика*) или устранить их, но должно быть сделано усилие, чтобы направить каждого на соответствующий путь, поскольку в каждом темпераменте есть две опасности отклонения, одна большая, одна маленькая. Одна опасность для юного холерика состоит в том, что он никогда не научится управлять своим темпераментом, поскольку он развивается в

зрелости. Это - маленькая опасность. Большая – это то, что они станут пугающе целеустремленными. Для сангвиника меньшая опасность - непостоянство; большая - мания, вызванная постоянным потоком ощущений. Маленькая опасность для флегматика - апатия; большая - глупость, унылость. Для меланхолика - нечувствительность к чему-нибудь другому, кроме личной боли - маленькая опасность; большая - безумие.

В свете всего этого ясно, что управление темпераментами является одной из существенных жизненных задач. Чтобы эта задача была выполнена должным образом, необходимо соблюдать один основной принцип: всегда считаться с тем, что дано, а не с тем, чего там нет. Например, если у ребенка сангвинический темперамент, взрослые не помогут, если будут стараться вбивать (*вколачивать*) интерес в ребенка. Темперамент просто не будет позволять этого. Вместо того, чтобы спрашивать, в чем ребенок испытывает недостаток, чтобы можно было вколотить это в него, мы должны сосредоточиться на том, что ребенок имеет, и основываться на этом. И, как правило, существует одна вещь, которая будет всегда стимулировать интерес ребенка-сангвиника. Каким бы непостоянным был ребенок, мы всегда можем стимулировать интерес к специфической личности. Если мы сами - та личность, или если мы сближаем ребенка с кем-то, с кем ребенок не может сблизиться сам, но кто вызывает у него интерес. Только посредством любви к индивидуальности можно пробудить интерес ребенка-сангвиника. Больше чем ребенку любого другого темперамента, сангвинику требуется кто-то, кем можно восхищаться. Восхищение - здесь своего рода волшебное слово, и мы должны сделать все, что возможно, чтобы пробудить его.

Мы должны считаться с тем, что мы имеем. Мы должны заботиться о том, чтобы ребенок-сангвиник подвергался разнообразным вещам, которые вызывают более глубокий интерес. Этим вещам нужно позволять говорить с ребенком, оказывать влияние на ребенка. Тогда они могут быть так восприняты, что интерес ребенка к ним усилится; кроме того, они могут восстанавливаться (*возрождаться*). Другими словами, мы должны вылепить окружение сангвиника так, чтобы оно было согласно его темпераменту.

Ребенок-холерик также восприимчив к тому, чтобы быть ведомым особым способом. Ключ к воспитанию этого ребенка – уважение и почитание настоящего авторитета. Вместо завоевания влияния посредством личных качеств, как мы стараемся делать с ребенком-сангвиником, мы должны проследить, чтобы вера ребенка в способность преподавателя оставалась непоколебимой. Преподаватель должен демонстрировать понимание того, что происходит вокруг ребенка. Любого показа некомпетентности нужно избегать. Ребенок должен упорствовать в вере, что преподаватель является компетентным, или весь авторитет будет утерян. Волшебная микстура для ребенка-холерика – это уважение и почитание человеческой ценности, также как для ребенка-сангвиника - это любовь к индивидуальности. Внешне ребенка-холерика нужно поставить в сложную ситуацию. Холерик должен сталкиваться с

сопротивлением и трудностью, чтобы жизнь не стала слишком легкой.

Меланхоличного ребенка не легко вести. К меланхолику, тем не менее, можно применить другой подход. Подход к ребенку-сангвинику – это любовь к индивидуальности; для холерика – это уважение и почитание ценности преподавателей. Для меланхолика, напротив, важно, чтобы преподаватели были людьми, которые в некотором смысле испытали жизнь, которые действуют и говорят на основе прошлых испытаний. Ребенок должен чувствовать, что преподаватель знаком с настоящей болью. Пусть ваше обращение к жизненным обстоятельствам будут поводом для ребенка, чтобы оценить то, что вы выстрадали. Симпатия к судьбам других способствует развитию меланхоликов. Здесь также нужно считаться с тем, что имеет ребенок. У меланхолика крепко укоренилась способность к страданию, чувству дискомфорта, от чего нельзя отучить. Тем не менее, это может быть перенаправлено. Мы должны подвергнуть ребенка разумной внешней боли и страданию, так чтобы ребенок узнал, что есть внешние вещи, которые могут привлечь способность переживания боли. Это - необходимо. Мы не должны стараться отвлечь или развлечь меланхолика, это только усиливает отчаяние и внутреннее страдание; вместо этого, меланхоличному ребенку нужно дать возможность видеть, что объективные случаи для страдания в жизни существуют. Хотя мы не должны заходить слишком далеко, перенаправляя страдание ребенка к внешним объектам, - только, когда это требуется.

Флегматичному ребенку нельзя позволять взрослеть одному. Хотя естественно все дети должны иметь друзей, для флегматика это особенно важно, чтобы они у них были. Их друзья должны иметь самые различные интересы. Флегматичные дети учатся, разделяя интересы других, чем больше, тем лучше. Энтузиазм их друзей преодолевает их природное безразличие к миру. Принимая во внимание, что для меланхолика важно испытать судьбу другого человека, для флегматичного ребенка необходимо испытать целый диапазон интересов друзей. Флегматика не так трогают сами вещи, но интерес возникает, когда он видит вещи, отраженные в других, и их интересы тогда отражаются в душе флегматичного ребенка. Мы должны привнести в окружение флегматика предметы и события, на которые "флегма" (*хладнокровие, бесстрастие*) является подходящей реакцией. Невозмутимость должна быть направлена на правильные объекты, объекты, по отношению к которым можно быть флегматичным.

На этих примерах педагогических принципов, мы видим, как духовная наука может обращаться к практическим проблемам. Эти принципы можно также применить к себе с целью самоусовершенствования. Например, сангвиник мало чего достигнет самоупреками. Наш ум в таких вопросах часто натывается на препятствие. Когда он напрямую сталкивается с более сильными силами типа темпераментов, он достигает немногого. Косвенно, однако, он может многого достигнуть. Сангвиники, например, могут принять во внимание свою сангвиничность, оставив самоувещивание как бесплодное. Важно проявить сангвиничность при правильных обстоятельствах. Переживания,

подходящие для краткого внимания, могут быть вызваны вдумчивым планированием. Использование мышления таким способом, даже минимально, произведет необходимый эффект.

Люди холерического темперамента должны преднамеренно поместить себя в ситуации, где гнев бесполезен, и делает их скорее только смешными. Меланхолики не должны закрывать свои глаза на жизненную боль, а скорее искать ее; через сострадание они перенаправляют свое страдание к внешним соответствующим объектам и событиям. Если мы - флегматики, не имеем никаких особых интересов, то мы должны занять себя насколько возможно неинтересными вещами, окружить себя многочисленными источниками скуки, так, чтобы мы стали полностью скучающими. Тогда мы полностью излечимся от своей "флегмы"; мы получим ее из своей системы. Таким образом, каждый считается с тем, что имеет, а не с тем, чего нет.

Наполняя себя практической мудростью типа этого, мы учимся решать ту основную загадку жизни и другого человека. Это решается не созданием абстрактных идей и понятий, а посредством образов. Вместо произвольного теоретизирования мы должны искать непосредственное понимание каждого индивидуального человека. Однако, мы можем это сделать, только зная, что лежит в глубинах души. Медленно и постепенно духовная наука освещает наши умы, делая нас восприимчивыми не только к большому образу, но также и к тонким деталям. Духовная наука создает возможность, чтобы при встрече двух душ, когда одному требуется любовь, другой ее мог предложить. Если требуется что-то еще, это другое дается. Через такую истину, живую мудрость мы создаем основание для общества. Вот, что мы подразумеваем, когда говорим, что мы должны решать загадку каждое мгновение.

Антропософия действует не посредством проповедей, увещаний, или катехизисов, а создавая социальную основу, на которой люди могут познать друг друга. Духовная наука – основа жизни, а любовь – это цветок и плод жизни, усиливающий ее. Таким образом, духовная наука может утверждать, что лежит в основе самой красивой цели человека — истинной, подлинной любви к человечеству.

Перевод Людмилы Гечус